

Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920-1945 гг. (проблема социальной адаптации)

На сегодняшний день изучение проблем истории послеоктябрьской российской эмиграции имеет весьма обширную историографию, насчитывающую в своем активе десятки монографий и сотни статей. Между тем, ознакомление с монографией С.В. Смирнова позволяет говорить о том, что исследовательский потенциал данной проблематики далеко не исчерпан. Во-первых, несомненна актуальность избранной темы. Проблема социальной адаптации мигрантов стала чрезвычайно важной в связи с интенсивным развитием миграционных процессов на современном постсоветском пространстве. Изучение исторического опыта приспособления русских к новым социально-культурным условиям среды проживания позволяет выявить потенциальные возможности русской (или шире, российской) культуры к самосохранению и творческому взаимодействию с чужой средой. Во-вторых, предложенный автором ракурс исследования позволяет взглянуть на процесс социальной адаптации с позиции индивидуального опыта конкретных эмигрантов, раскрывает содержание этого процесса в его «личностном», а не «структурном» измерении. С.В. Смирнов на базе источников личного происхождения проводит скрупулезный анализ т.н. внутренних факторов процесса адаптации, механизмов выработки адаптационных стратегий, выбора и принятия решений эмигрантами, подкрепляя свои гипотезы многочисленными биографическими материалами. Автора в первую очередь интересуют судьбы отдельных людей, которые выступают не жертвами объективных обстоятельств, а творцами своих судеб, контролирующими собственную жизнь и формирующими свое будущее (с.6). Монография С.В. Смирнова построена на солидной источниковой базе, основу которой составляют профессионально подобранные источники личного происхождения. Автор привлек многочисленные воспоминания эмигрантов, биографические интервью, автобиографическую прозу, а также такой специфический и в то же время крайне интересный источник, как материалы архивно-следственных дел репатриантов из Китая, хранящиеся в фондах Государственного архива административных органов Свердловской области. Опираясь в качестве основы исследовательского инструментария на биографический метод, С.В. Смирнов четко структурирует многочисленный и разнообразный биографический материал, показывая как на фоне постоянно меняющейся социально-политической обстановки Северной Маньчжурии 1920-1945 гг. протекал процесс социальной адаптации российских эмигрантов в его наиболее типичных формах и моделях.

Первая глава монографии посвящена исследованию процесса социальной адаптации представителей старшего поколения российских эмигрантов, «поколения отцов», выступивших против большевистского режима на родине и сознательно избравших путь изгнания. Выстраивая условия, в которых разворачивался процесс социальной адаптации эмигрантов, автор указывает на уникальность социально-культурной среды Северной Маньчжурии, особенно в зоне т.н. «полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)», носившей черты традиционной русской действительности, колониализма и фронта. Здесь более значительную роль в жизненном успехе играли уже не столько социальное происхождение, сколько образование, богатство, социальная активность человека, нередко сочетающаяся с известной долей удачи. В зоне фронта были практически сведены к нулю национальные ограничения, имевшие место в пределах империи. Более свободные, нежели в России, нравы полосы отчуждения сочетались с традиционностью жизни русской провинции и даже некоторой «кастовостью» сознания служащих и рабочих КВЖД, обусловленной привилегированным правовым положением, особыми условиями труда и быта (с.14-20). Разрушение российского государства с его социальным контекстом в результате революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны, как отмечает автор, не сказались столь фатально на системе социальных связей и социальной циркуляции в полосе отчуждения. И даже утрата российской диаспорой особого положения в Китае не могла мгновенно изменить весь строй жизни, действие ранее существовавших социальных механизмов, бытование прежних стереотипов, моделей восприятия социальной действительности. Таким образом, беженцы, оказавшись в полосе отчуждения, испытали на себе влияние ее атмосферы, что в определенной степени обусловило протекание процессов их социальной адаптации (с.20). Приступая к анализу процесса социальной адаптации эмигрантов, С.В. Смирнов указывает, что индивидуальные представления об успешности адаптации весьма разнообразны и субъективны, однако на основании изучения большого числа

биографических случаев можно выделить достаточно ограниченный набор таких представлений, распространенных в эмигрантской среде. Так, из множества показателей адаптированности в процессе приспособления эмигрантов, выходцев из разных социальных слоев, материальное положение и социальный статус (включая образовательный и профессиональный) представляли собой одни из важнейших показателей адаптированности к новой среде. Соответственно показателем успешной адаптации являлось материальное благосостояние (или стабильность) и высокий социальный статус в рамках эмигрантской колонии и вне ее, а показателем низкой адаптации – материальное неблагополучие и низкий социальный статус или его утрата, маргинализация (с.23). Особенности протекания социальной адаптации эмигрантов на индивидуальном уровне напрямую зависели от индивидуальных стартовых условий этого процесса. Таких факторов, как сохранение (хотя бы частичное) семейных, индивидуальных, групповых и других ресурсов или их полная утрата, половозрастная и национальная принадлежность, профессионально-образовательный уровень (с.26).

Как отмечает автор, вплоть до конца 1922 г. перспективы долгосрочного пребывания за границей еще не овладели умами основной массы беженцев, и их адаптационная активность во многом была обусловлена первостепенными потребностями в работе и жилье. Изменившаяся ситуация в конце 1922 г. потребовала серьезного, долговременного устройства на новом месте, включения в новую социальную среду, которое могло бы обеспечить эмигрантам достаточно высокий уровень благосостояния, возможность реализации собственных образовательных и профессиональных потребностей и потребностей детей, и в то же время способствовало бы сохранению прежней культурной самоидентификации. Опираясь на многочисленные биографические материалы, автор приходит к утверждению, что в период 1920-х – начала 1930-х гг. социальная адаптация российских эмигрантов в Северной Маньчжурии осуществлялась преимущественно посредством включения индивида в экономические сферы региона. Приоритет имели привилегированные, обеспечивающие достаточно высокий уровень жизни и статусные позиции сферы занятости, в целом соответствовавшие дореволюционной «русской сфере» (с.36).

Подобная направленность в развитии адаптационного процесса, по мнению исследователя, была обусловлена рядом факторов. Во-первых, в полосе отчуждения КВЖД, как зоне фронта, приоритет в достижении жизненного успеха изначально имела не столько социальная принадлежность, сколько профессиональная, деловая активность индивида, его конкурентоспособность в рыночных структурах. Во-вторых, рыночная экономика Маньчжурии в 1920-е гг., несмотря на чередующиеся спады и взлеты, в целом была на подъеме. В-третьих, использование стратегии интеграции в общественно-политическую и культурную сферы региона было практически невозможно, вследствие периферийности и постоянного сокращения значимости эмигрантских общественно-политических структур в системе социальных институтов Маньчжурии, и, с одной стороны, стремления русских сохранить этнокультурную изоляцию, а, с другой стороны, отторжения китайской культурой всего иностранного (с.36-38). Так, в монографии демонстрируется, что занятие политикой и связанная с этим военная служба в китайской армии, не только не способствовали повышению социального положения эмигранта, но и могли стать серьезным препятствием в развитии его социальной карьеры.

Указывая, что адаптация к социально-культурной среде Северной Маньчжурии преимущественно путем включения в ее экономическую сферу в наибольшей степени соответствовала представлениям основной массы эмигрантов о некоем приемлемом образе жизни в условиях эмиграции и не вступала в острое противоречие с поведенческими требованиями, предъявляемыми к эмигрантам средой, автор выделяет наиболее приоритетные для российских эмигрантов сферы занятости: частная коммерческая, юридическая, медицинская и другая деятельность, служба на КВЖД, в крупных российских и иностранных фирмах и учреждениях, а также в некоторых административно-управленческих структурах Маньчжурии. Чтобы проникнуть и удержать свое положение в этих сферах эмигранты использовали ряд адаптационных стратегий. Автор выделяет следующие стратегии: смена правового статуса – приобретение относительно устойчивого правового положения, путем принятия советского, китайского или какого-либо еще гражданства; использование различного рода связей – национальных, корпоративных, родственных; получение образования и профессиональная переквалификация; заключение выгодного брака.

Изменение политической и экономической ситуации в Маньчжурии в конце 1920-х – начале 30-х гг., вызванное советско-китайским конфликтом вокруг КВЖД 1929 г., влиянием мирового экономического кризиса, оккупацией Маньчжурии японцами и созданием здесь «независимого» государства Маньчжоу-го, обусловило значительные перемены в протекании процесса социальной

адаптации российских эмигрантов. Как отмечает С.В. Смирнов, политизация всех сторон жизни маньчжурского общества и эмигрантской колонии на протяжении 1930-х гг. привела к формированию в их рамках некоего нормативного стиля жизни индивида, отвечающего требованиям новой ситуации в обществе. Поведенческим императивом этого стиля жизни являлись политическая лояльность и благонадежность индивида. Главной ценностью для него стали государственные интересы (с.93). Политическая благонадежность в новых условиях стала неизмеримо более важной характеристикой индивида, нежели его профессиональная квалификация, социальное и экономическое положение. В монографии на многочисленных конкретных примерах показано, что на протяжении 1930-х гг. профессиональная квалификация, прежнее высокое социальное и экономическое положение стали играть все меньшую роль в достижении индивидом жизненного успеха. Характерно и то, что сферы, ранее являвшиеся наиболее вероятными каналами достижения социального успеха, в 1930-е гг. крайне сократились или вовсе исчезли. Резкое ослабление рыночных тенденций в экономике Маньчжурии, усиление роли государства и подчинение экономики решению политических задач внесли значительные изменения в структуру занятости российских эмигрантов. Сузилась сфера применения частной инициативы, к середине 1930-х гг. наступил закат КВЖД, как коммерческого предприятия, а после ее продажи советской стороной, она вообще выпала из «русской производственной сферы». Выросла безработица. К концу 1930-х гг. широкое распространение получила практика административного распределения трудовых ресурсов.

В сложившейся новой социально-политической ситуации проблема выбора эмигрантами соответствия новой, предлагаемой средой поведенческой модели, как это показано в монографии, могла быть решена тремя вариантами. Первый вариант – это отказ от адаптации в изменившихся условиях, приведший к значительному оттоку русских из Маньчжоу-го. Вторым вариантом явилось вынужденное следование новым требованиям среды без какой-либо интеграции в нее. Третьим вариантом выбора являлось принятие индивидом новых условий и стремлением использовать их для достижения своего жизненного успеха. В новых условиях основной направленностью адаптационного процесса для эмигрантов стала интеграция в политическое пространство Маньчжоу-го. Именно политическая интеграция открывала сейчас возможности для включения индивида в профессиональную, социальную и другие сферы (с.106-110). Для периода 1930-х гг. автор выделил и подробно проанализировал на основе биографического материала ряд адаптационных стратегий, которые активно использовали эмигранты. Ими являлись стратегии изменения правового статуса, политической активности, опоры на прошлые заслуги и связи, преимущественно в политических кругах (с.111). В начале 1940-х гг. ситуация в политической сфере Маньчжоу-го в очередной раз изменилась. В начавшейся Тихоокеанской войне ранее приоритетные цели борьбы против Коминтерна отошли на второй план, что предопределило судьбу эмигрантских политических организаций (преимущественно антисоветских), их роспуск. В этих условиях политическая активность эмигранта больше не способствовала его социальной карьере. В годы войны, особенно к ее концу, большинство российских эмигрантов в Маньчжурии, охваченные подъемом патриотических настроений, совершенно отказались от политических средств социальной адаптации и в отдельных случаях участвовали в антияпонском движении (с.125). Вторая глава монографии С.В. Смирнова посвящена анализу процесса социальной адаптации «поколения детей», имевшего определенные, порой значительные отличия от процесса приспособления «поколения отцов». Процесс социальной адаптации детей-эмигрантов к новой среде был тесно связан с процессом их социализации, становления личности, и главные институты социализации (семья и система образования) во многом определяли какие образцы поведения, ценностные установки, способы адаптации приобретали дети. Как показывает автор, те семьи, которые в процессе эмиграции сумели сохранить (или быстро восстановить) свои ресурсы, как правило, быстрее и успешнее проходили первый этап «вхождения» в новую среду. Сохранение семейных ресурсов не только обеспечивало материальную базу будущей социальной карьеры детей, но и давало возможность в случае принадлежности к бывшим привилегированным сословиям поддержанию их культурного воспроизводства и идентификационной принадлежности к высокому социальному статусу (с.130). Устойчивый способ трансляции идентификационной принадлежности, построенный на основе традиций, был характерен для казачьего населения сельскохозяйственных районов Северной Маньчжурии. Существование некоего обобщенного социального стандарта, характерного для представителей разных слоев российской эмигрантской колонии в Маньчжурии, в известной степени определяло процесс социализации детей-эмигрантов. В то время как социальные условия, сложившиеся в бывшей полосе отчуждения КВЖД в 1920-е гг., обусловили основное направление в формировании

адаптационных стратегий детей – интеграцию в приоритетные для российских эмигрантов сферы занятости региона, путем получения образования и высокой профессиональной квалификации (с.138). Что касается семей (особенно ранее состоятельных), утративших свои ресурсы и часть своих членов, их возможности осуществления внутрисемейной культурной и социальной трансмиссии были затруднены. Это нередко вело к девиантному с точки зрения массового сознания российской эмигрантской колонии 1920-х гг. поведению, наиболее распространенными формами которого являлись бегство из дома на службу в китайскую армию, участие в политической деятельности, а также преступная деятельность (с.138). Как показывает автор, первым шагом на пути удачной интеграции детей (особенно из среды горожан) в привилегированные сферы занятости региона являлось получение ими хорошего образования. Возможности для этого в бывшей полосе отчуждения (и особенно в Харбине) были достаточно широки. Здесь существовали разнообразные виды и типы средних учебных заведений, среди которых автор особо выделяет русскую и англоязычную эмигрантскую школы, чье влияние на формирование личности ребенка имело определенные отличия. Русская школа, чьей основной целью было сохранение в неизменном виде традиционных ценностей русской культуры, стремилась, прежде всего, поддерживать в детях их этнокультурную принадлежность, ограничивая тем самым проигрывание репертуара жизненных стратегий рамками «русского социально-культурного пространства». Англоязычная эмигрантская школа, ориентируя детей, прежде всего, на социальный успех в будущем вне определенного культурно-религиозного контекста, способствовала формированию инновационного типа личности, более свободной в выборе жизненных ориентаций (с.154). После окончания школы значительный процент выпускников связывал свое будущее с дальнейшим обучением в вузе. Высшее образование можно было получить как в Харбине, где действовали четыре вуза, так и за границей. Даже самые старшие представители младшего поколения эмигрантов, как демонстрирует монография, окончили вузы и начали свою социальную карьеру в конце 1920-х – начале 30-х гг., когда ситуация в регионе начала коренным образом меняться. В условиях превращения политической интеграции в основную направленность адаптационного процесса молодые эмигранты оказались в сложном положении, поскольку в основе формирования их жизненных стратегий лежали образовательно-профессиональные ценности. Изменившаяся социальная ситуация в регионе привела к значительному оттоку эмигрантской молодежи из Маньчжоу-го, главным образом в Шанхай. Многие эмигранты, вынужденные приспособливаться к новым условиям, совершенно отказались от интеграции в новую среду, тщательно избегая вовлечения в мероприятия японских властей, которые рассматривали русскую молодежь наряду с представителями других национальностей Маньчжоу-го как потенциальный объект для подготовки «нового человека», строителя Восточно-азиатской сферы совместного процветания (с.186). Молодые эмигранты, избравшие интеграцию в политическую сферу Маньчжурии в качестве основной адаптационной ориентации, использовали такие каналы для повышения своего социального статуса, как политические организации, образование (несмотря на сокращение его возможностей), институт связей, армию. Эти каналы открывали возможности для включения в наиболее приоритетные сферы занятости, а иногда и путь к «богатству» (с.194-204). В годы Тихоокеанской войны, в условиях дезориентации эмигрантской политической активности и роста патриотических настроений, использование политических средств в качестве адаптационных значительно сократилось. Наоборот, усилился отказ использовать эти средства. Между тем, как указывает С.В. Смирнов, процесс социальной адаптации, даже будучи осложнен тотальной политизацией жизни Маньчжоу-го, сопровождавшейся разрушением русского социально-культурного пространства в регионе и ростом патриотических настроений в эмигрантской среде, не прекратился. Только в дальнейшем, в ходе советско-японской войны 1945 г. и последующих мероприятий советских органов госбезопасности по «чистке» эмиграции в Маньчжурии этот процесс был насильственно прерван. Тысячи эмигрантов и старшего и младшего поколений испытали трагедию ареста, насильственной репатриации и заключения в советских лагерях. Многие эмигранты, оказавшись в недрах ГУЛАГа, погибли там, но значительная часть их выжила и сумела приспособиться к новой для них жизни в Советской России. По словам автора, тема социальной адаптации репатриантов из Маньчжурии в Советском Союзе еще ждет своих исследователей (с.210).

Ю. Данилин